

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.6955>

Дата подачи статьи: 11 января 2021 г.

Дата принятия к печати: 20 мая 2021 г.

ОБРАЗ ТУНИСА В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Елена Ельцова

Высший институт языков Туниса, Университет Карфагена,
Тунисская Республика

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359>

e-mail: elcova-elena@mail.ru

Аннотация: В статье на материале автодокументальной и художественной литературы русских эмигрантов «первой волны» рассматривается культурно-аксиологический образ североафриканской страны Туниса. На основе мемуарных произведений Владимира Берга, Николая Кнорринга, Ирины Кнорринг и очерков о Гражданской войне Романа Гуля, посвященных пребыванию русских эмигрантов в Тунисе, описываются основные мотивы эмигрантского восприятия африканской чужбины, выделяются дихотомичные характеристики (мечта – реальность, неприютность – дом, скованность – свобода). Этот образ включает ветхозаветные аллюзии «изгнания / исхода» и схематичные представления об Африке; актуализирует тему России как утраченного дома. Для одних авторов Тунис стал «русским уголком», где проходило их служение будущей России, и местом осознания потери Родины. Для других – сковывающей каторгой, «клеткой», местом отчуждения, приводившем к потере смысла жизни.

Ключевые слова: Африка, Тунис, русская эмиграция, автодокументальная и художественная литература, геокультурный образ

Submitted on January 11, 2021

Accepted on May 20, 2021

IMAGE OF TUNISIA IN AUTODOCUMENTARY AND LITERARY FICTION OF THE “FIRST WAVE” RUSSIAN EMIGRANTS

Elena Eltsova

Higher Institute of Languages of Tunis, Université de Carthage, Tunisie

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359>

e-mail: elcova-elena@mail.ru

Abstract: The article reviews the cultural and axiological image of the North African country of Tunisia in the autodocumentary and literary fiction of the “first wave” Russian emigrants. On the basis of memoirs by Vladimir Berg, Nikolai Knorring, Irina Knorring, and Roman Gul’s essays on the Civil War dedicated to their stay in Tunis, the author describes the main motives of the immigrants’ perception of Africa and highlights their dichotomous characteristics (dream – reality, desolation – home, restraint – freedom). This image includes both Old Testament allusions to exile/exodus and schematic representations of the outlying continent; it actualizes the theme of Russia as the lost home. For some authors, Tunisia became a “Russian corner”, where their service to a future Russia took place, a place of awareness of the loss of their homeland. For others, it became a constraining bondage, an “unfreedom”, a place of alienation leading to the loss of meaning of life.

Keywords: Africa, Tunisia, Russian emigration, autodocumentary and literary fiction

Традиционно тема Африки рассматривается в исследованиях исторического характера, посвященных научному освоению континента российскими путешественниками и учеными в XIX – первой половине XX вв., создавшими литературно-военноисторические произведения (М.Ю. Венюков, А.В. Елисеев, А.А. Рафалович, В.Г. Галузеев, Л.Ф. Костенко, П.А. Чихачев, М.И. Ростовцев и др.). Филологические и культурологические исследования обращены зачастую к поэтике Серебряного века, в которой Африка с многообразием мифов, легенд, культур и традиций становится неотъемлемой частью русского художественно-литературного пространства. Ярким создателем африканского текста в русской литературе, несомненно, выступает Николай Гумилев. Совершив четыре поездки в Африку, он привозит

ценнейшие экспонаты и отчеты, создает африканский цикл произведений: *Африканский дневник*, поэтические сборники *Романтические цветы*, *Шатер*, поэму *Мик* и др. Другой выразитель идей Серебряного века Андрей Белый в путевых записках *Офейра* и *Африканский дневник* воспроизводит символическое видение Туниса и Египта, размышляет о дальнейшей судьбе Африки и Европы.

Новую веху в «узнавании» и описании Африки в первой половине XX в. привнесет эмигрантское восприятие. В 1920 г. корабли Российского Черноморского флота со многими тысячами беженцев из опаленной Гражданской войной и революционным лихолетьем России пришли в Константинополь. Затем по согласованию с Англией и Францией русские беженцы направлялись не только в европейские страны, но и на африканский континент – прежде всего в Египет и Тунис [Горячкин 2000, 13–16, 41–43]. Оттуда в поисках работы беженцы уезжали в соседние страны, в Алжир и Марокко. Экономическая и политическая ситуация, материальные условия жизни прежде всего в Марокко того времени представлялись более благоприятными, чем во французской метрополии или в других французских колониях [Сухов 2019, 46–47]. Другой путь освоения континента, особенно бельгийского Конго, в связи с экономическим кризисом в начале 1930-х гг. вел из Европы [*Российская диаспора в Африке* 2001, 5]. Неустроенного в европейских странах русского беженца Африка привлекала своими условиями жизни и работы, удачным опытом соотечественников, о чем регулярно печатались очерки, заметки и фото репортажи на страницах эмигрантских газет и журналов. Так отдаленный в географическом и культурно-аксиологическом отношении континент становится одним из локусов эмигрантского обживания, а африканский топос, его этнографическая специфика и природа станут «своим местом» эмигрантской публицистики, автодокументальной и художественной литературы.

Эмигрантское восприятие континента очень многогранно: с одной стороны, здесь отражаются полученные ранее знания об Африке, заданные европейской и русской художественными традициями общекультурные ассоциации, мифологические и библейские реминисценции, а иногда и схематичные представления. С другой, мемуарные произведения эмигрантов «первой волны» являются ярким продолжением традиций психологической прозы рубежа веков, традиции познания человека и, прежде всего, познания самого себя в необычном для русского эмигранта геокультурном пространстве, где выстраиваются особые отношения между «я» русского эмигранта

и Африкой как пространством бытования. Так эмигрантская автодокументальная и художественная литература начинает включать новое отображение Африки и особое лейтмотивное и метафорическое наполнение, обусловленное ситуацией изгнания.

В данной статье обратимся к геокультурному образу¹ североафриканской страны Тунис, ставшей в маршруте Русского исхода последней стоянкой Российского Черноморского флота и олицетворением его трагедии². Для одних беженцев Тунис стал временным местом пребывания, остановкой на пути эмигрантского странничества, а для других – постоянным местом жительства, «русским уголком» в Африке. Анастасия Александровна Манштейн-Ширина (1912, имение Насветевич в селе Рубежное, Российская империя (ныне — город Лисичанск, Украина) – 2009, Бизерта, Тунис), прибывшая в Тунис с родителями в восьмилетнем возрасте и прожившая в Бизерте более 80 лет, в своей книге воспоминаний *Бизерта. Последняя стоянка* (1996) писала: «Здесь у самого моря, где побережье очень напоминает Крым, мы меньше чувствовали себя лишенными родных краев. Не раз в течение моей жизни я благодарила судьбу за то, что в нашем несчастье она позволила нам обосноваться в Бизерте» [Ширинская 2003, 5]. Эта книга воспоминаний содержит искренний рассказ о судьбе русских моряков и российских кораблей, столетие назад оказавшихся в Тунисе. За художественное изложение исторических фактов и событий А.А. Ширинской в 2005 г. была вручена литературная премия «Александр Невский».

Мемуарные произведения русских эмигрантов, судьбы которых тем или иным образом были связаны с Тунисом и беженскими лагерями, представляют не только тяготы беженской, а позже и эмигрантской жизни,

---

¹ Геокультурные образы трактуются как компактные модели определенного географического пространства, а также как «территории или пространства, воспринимаемые и наблюдаемые через «призму» культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов, которые тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства» [Замятин 2003, 36].

² В тунисский порт Бизерта, находившимся под французским протекторатом, в конце 1920 – начале 1921 гг. под командованием вице-адмирала Михаила Александровича Кедрова пришла Русская эскадра, сформированная на рейде Константинополя из военных кораблей Черноморского флота. На 33 военных кораблях прибыло практически 6 тысяч чел.: офицеры флота и армии, кадеты, гардемарины, священнослужители и члены их семей. Русская эскадра как военно-морское формирование под командованием контр-адмирала Михаила Андреевича Беренса просуществовала в Бизерте до 1924 г. После признания Францией Советской России в Тунис прибыла советская комиссия по оценке состояния кораблей с целью их возвращения на родину. Однако в дальнейшем никакого решения о передаче кораблей не последовало. Корабли Русской эскадры постепенно продавались и разбирались на металлолом [*Русская колония в Тунисе* 2008, 11–15].

но и культурно-аксиологическое описание пребывания в Тунисе (=Африке, как заключают эмигранты), осмысление нового для русских изгнанников культурно-географического пространства. Африканская тема отразится в автодокументальной и художественной литературе, а также в публицистике. В 1922–1923 гг. в парижской газете *Новое время* будут опубликованы *Письма из Африки* протоиерея Георгия Спасского (Спасский Георгий Александрович, 1877, Гродненская губ. – 1934, Париж), духовника бизертинского Морского корпуса и его законоучителя, лектора. В этих воспоминаниях разворачивается «вся картина жизни русских беженцев в Африке» и чаяния главного священника Черноморского флота [Спасский 2002, 82].

В предложенной статье обратимся к мемуарам Владимира Владимировича фон Берга *Последние гардемаринны* (Париж, 1931), документальной повести Николая Николаевича Кнорринга *Сфаят. Очерки из жизни Морского Корпуса в Африке* (Париж, 1935) и дневнику поэтессы русского зарубежья Ирины Николаевны Кнорринг *Повесть из собственной жизни*, изданному в 2009 г. в России. Особый интерес представляют очерки о Гражданской войне и Исходе Романа Борисовича Гуля *Белые по Черные* (Москва – Ленинград, 1928), написанные по рассказам эмигранта, отправившегося далее из Туниса в Европу, и основанные на реальных событиях. Названные произведения ярко отражают пребывание русских эмигрантов в Тунисе и представляют основные мотивы эмигрантского восприятия Африки как чужбины.

Отправка кораблей Русской эскадры в африканскую Бизерту, военно-морской порт французского протектората Тунис, была результатом долгих переговоров между Англией, Францией и командованием барона П.Н. Врангеля [*Российская диаспора в Африке* 2001, 71]. Поэтому для многих русских беженцев Африка стала неожиданным пунктом в пути их изгнания, своеобразной пристанью, временным пристанищем, где можно было переждать историческое лихолетье. Африканские воспоминания капитана 1-го ранга В.В. Берга (1879–1963, Эквадор) ярко отражают это представление о месте пребывания:

Бизерта – сказка, пятилетний сон красивый и фантастичный. Бизерта – это море, как беспредельный темносиний сапфир в оправе золотых берегов, песков пустыни (...) Бизерта – это белый город с куполами магометанских мечетей и готикой католического храма (...) Бизерта – это зеленый оазис среди песчаных холмов и гор. Стены зеленого колючего кактуса, аллеи стройных пальм, колонны алоэ взывает в небу свои роскошные розовые чаши [Берг 1931, 131–132].

Поход в Африку воспринимался многими эмигрантами как интересное путешествие, возрождающее схематичные представления, создающее вымышленное, а порой и сказочное пространство: «Мы – в стране негров, львов, слонов, бриллиантов. Мы – в Африке» [Гуль 1928, 141]; «Куда мы идем? Кто говорил – в Тулон, кто в Африку. Наконец, выяснилось окончательно – идем в Бизерту. Где это? ... Где-то в Африке, – значит тепло, солнце ... Там можно отдохнуть» [Кнорринг 1935, 21].

По мере приближения к континенту из сферы придуманного образа, поддерживаемого силой воображения, Африка переходит в плоскость актуального социально-бытового и психологического изображения. Этот образ обретает реалистические и физиологически конкретные подробности в описании. Экзотика, местный колорит не пугают русских эмигрантов, а становятся предметом их внимательного всматривания, ознакомления и изучения. Во многом эта тяга к неведомому берегу была связана с долгим нахождением на кораблях и карантинными ограничениями. Это томительное ожидание и всматривание в африканскую землю рождало «сосушую, физиологическую тоску по земле» [Кнорринг 1935, 28], уравнивало русских беженцев со «скованными пленниками невольничьих караванов триста, двести, а то и сто лет назад» [Там же, 26], а порой зарождало сомнение в том, что и здесь, на далеком берегу, они обретут покой. Так эмигрантский дискурс восприятия Туниса невольно начинал включать лексическую сему «несвободы», «скованности», которая в дальнейшем выразится и в восприятии заселяемого ими пространства. В воспоминаниях и стихах юной поэтессы И. Кнорринг (1906, Елшанка, Самарская губ. – 1943, Париж), прибывшей в Бизерту вместе с родителями, жизнь в беженских лагерях соотносится с потерей свободы (= жизни), утраченностью Дома (= Родины). А жизнь основной эмигрантской среды «прошлыми предрассудками», по ее мнению лишена смысла в настоящем и не дает надежд на будущее:

Сфаят³ – это вечно волнующаяся масса людей, тревог, сплетен, толков, интриг и предрассудков. Сфаят – это лагерь бывших людей. У всех его обитателей положение настолько неопределенное, что они даже представить себе не могут, что ждет их. И в настоящем они зависят не от себя. Все в прошлом. ... С первого взгляда Сфаят может показаться мертвым, но если заглянуть в каждый отдельный барак, в каждую комнатку, то везде обнаруживается деятельность, правда, ленивая (7 апреля 1921) [Кнорринг 2009, 237–238].

³ Для расселения русских беженцев в окрестностях Бизерты французскими властями было предоставлено несколько военных и беженских лагерей. В лагере Сфаят проживали семейные преподаватели и офицеры Морского корпуса, располагавшегося в форте Джебель Кебир.

В поэтическом творчестве И. Кнорринг беженский лагерь Сфаят становится не только символом чужбины, но и символом несвободы, «клетки», приобретает мортальный смысл и находит многочисленные инварианты изображения в повторяющихся лексемах «тлен, мрак, ночь, смерть, могила, кладбище». Она пишет, что здесь «так одиноко, / Так тоскливо и бесприютно... (*Дай мне песен родины далекой*, 1923), «Здесь, в этой клетке, вянут дни ...» (*Все писем жду ...*, 1923). Это поэтическое восприятие отразится и в дневниковых записях, где Ирина пишет о себе, как героине повести, у которой «нет в жизни» [Кнорринг 2009, 228], а беженца определяет как человека «без отечества, без права, без состояния, без собственности. Бездомный скиталец, всем мешающий и бесполезный» [Там же, 230]. Этот эмигрантский мотив отчуждения, столь характерный для русской литературы зарубежья, дополняется чувством непринадлежности месту их временного нахождения и чувством необладания.

Беженская жизнь в лагерях рождает острое дихотомическое противопоставление свободе и вольности североафриканской природы, ее первозданности и архаичности. Тунис, выступающий контрастом европейской природе, архитектуре и образу жизни, в то же время дает утешение, рождает воспоминания о России и привносит библейские аллюзии, вдохновляющие и дающие новое мироощущение. Тем самым новая и экзотичная для эмигрантов пространственная дислокация помогает пережить им чувство отчуждения и обрести новую идентичность:

...громadne пальмы в цвету: огромные, сажени в три высотой, кусты кактусов, и тоже в цвету (...) Прибавить к этому арабов в их патриархальных костюмах; их маленьких осликов, постоянное «арри», которым они понукают их; несколько нагруженных верблюдов с удивительно мелодичными колокольчиками – получается какая-то необыкновенная милая и давно знакомая фантазия – из Ветхого Завета. Хорошо хоть ненадолго уходить от нашей мертвечины в такие уютные уголки природы, подышать там иным воздухом, пробудить в себе иные мысли [Кнорринг 2009, 280].

«Гефсиманский сад» с библейским пейзажем, как пишет преподаватель бизертинского Морского корпуса Н.Н. Кнорринг (1880–1967, Алма-Ата), позволял уйти «в самого себя, остаться со своими думами» от скованности и однообразия жизни в беженских лагерях [Кнорринг 1935, 51, 54]. Этот «путь в пустыне» с прогулками по извилистым тропинкам включает размышления о себе и Родине, описание культурно-религиозных событий в жизни русских эмигрантов.

Религиозные службы и духовные чаяния русских беженцев становятся неотъемлемой частью эмигрантского пребывания в Тунисе. Говоря о значении церкви в жизни бизертинского Морского корпуса и беженских лагерей, Н. Кнорринг отмечал:

Вспоминая наши многочисленные церковные службы, можно сказать с уверенностью, что церковь вносила какую-то умиротворяющую регулярность в наш годовой служебный обиход, объединяла, давала много сладких минут своим утешением и красотой (...). Вот почему, когда мы вспоминаем нашу Африку, мы вспоминаем и темный коридор, и большую комнату с узкими амбразурами. Там, над алтарем был нарисован голубь. Церковь разобрали, иконостас сложили, а голубь остался [Кнорринг 1935, 64–69].

Тунис с ветхозаветными пейзажами концептуализирует в мемуарах библейскую метафору «изгнания / исхода» и «блуждания по миру» («пустыне»), характерный мотив русской эмигрантской литературы «первой волны». В бизертинском Морском корпусе ставится написанная В. Бергом пьеса *Руфь*, проводящая аналогию между скитавшейся на богатых полях Вооза библейской Руфи⁴ и «загнанной в чужие края Русью». Этот символический образ давал надежду изгнанникам на обретение воздаяния. Воспоминание об этой постановке сохранилась в *Письмах из Африки* Г. Спасского и в мемуарах самого автора.

Библейская история Руфи, принявшая добровольно терни изгнания ради высшей самоотверженной любви – оживает для терпящих ту же самую судьбу. Нежно и осторожно играют артисты-любители, тихо и трогательно звучит тонкая и глубокая музыка. Благоговейно слушают зрители древнее сказание, переживая его своим страдавшимися духом [Берг 1931, 162].

В отличие от юной Ирины Кнорринг, которой было всего 15 лет, В. Берг и Н. Кнорринг были непосредственными участниками и свидетелями Русского исхода. В Бизерте капитан 2-го ранга В. Берг был ротным гардемаринов Морского корпуса и обучал их военному строю, а Н. Кнорринг преподавал «Историю русской культуры» в Морском корпусе и вел литературный

---

⁴ *Руфь* (ивр. רות [Рут]) – библейская праведница, именем которой названа «Книга Руфь». Родом моавитянка, она привязалась к своему новому родству по мужу (еврею из Вифлеема) и после смерти мужа не хотела расстаться со своей свекровью Ноеминью, приняла ее религию и переселилась с ней из Моава в Вифлеем. Праведность и красота молодой Руфи обратили на себя внимание знатного Вооза, чьей женой она стала и родила ему сына Овида и стала таким образом праматерью царя Давида [Библейская энциклопедия архимандрита Никифора].

кружок. Поэтому в своих мемуарах, написанных по истечении лет во Франции, они стремились наиболее полно воссоздать психологическую и духовную атмосферу пребывания Морского корпуса в Бизерте. Они описывают с документальной точностью жизнь гардемарин и преподавателей с обустройством быта, занятиями, театральными постановками и религиозными службами. Этот новый мир наделен в их воспоминаниях близкими и понятными по прежней жизни свойствами, где «стилистика» поведения также приближена российскому прошлому. В. Берг называет бизертинский Морской корпус «княжеством русским Кябирским» [Берг 1931, 142], а Н. Кнорринг – «нашим русским уголком в Африке» [Кнорринг 1935, 69]. Стремление поместить свои воспоминания в замкнутое пространство с «налаженным делом» позволяло авторам забыть о трагических событиях, но и рождало представление о потерянной родине. Уподобляя Морской корпус «русскому княчеству», В. Берг и Н. Кнорринг трактуют свою деятельность в Бизерте, на африканской земле, как подвижничество, служение будущей России и противопоставляют себя другим беженцам:

Положение беженцев, сбитых в кучу, хотя и сытых, благодаря заботливости французов, было незавидно в моральном отношении: не было работы, все сидели без дела и очень скучали. (...) Мы же, из Морского корпуса, с места имели свое дело, при том национальное, которое давало возможность «служить» России даже на чужбине» [Кнорринг 1935, 40].

Исторический ход событий привел к тому, что эта «сказка, пятилетний сон красивый и фантастичный» [Берг 1931, 131], «где был русский дух и Русью пахло», в которой грезилась Россия [Там же, 180], пришла к своему драматичному финалу. Особенно трагично звучит в мемуарных воспоминаниях тема гибели Русской эскадры, отождествляющейся со смертью Белой армии и потерей России, и тема ликвидации Морского корпуса как исчезновение «русского уголка», «русского дома» в Африке.

Эскадра таяла, люди расходились по всей Тунисии, перебирались в Европу (...) Корабли – живые организмы, и боль их страданий чувствуется. Спущены Андреевские флаги... (...) Корабли без дела, без ухода, стоящие один вплотную с другим, без освещения, ржавеют и умирают. Бухта Каруба – мертвое кладбище... [Кнорринг 1935, 103].

Для морских офицеров эта утрата была равносильна потере Родины. Завершая свои мемуары, Н. Кнорринг выражал горькое сожаление о том, что здесь, в Тунисе, не было устроено «Русского дома» для беженцев и инвалидов [Там же, 104].

Для многих эмигрантов в то время Тунис представлялся «остановкой в пути», так как одни жили надеждой на возвращение на Родину, а другие – желанием уехать во Францию, признававшей правительство Врангеля и взявшей под защиту русских беженцев. Это острое желание уехать из Туниса с его неблагоприятной социально-экономической ситуацией, ярко отразилось в автодокументальной и художественной литературе. Протоиерей Георгий Спасский пишет:

Тяга во Францию продолжается. Каждую неделю отходит транспорт в Марсель, и каждый раз с палубы машут платками, посылая прощальный привет остающимся, группы отъезжающих русских. (...) Раньше все ехали на заводы или для очистки полей, теперь всех чарует Париж. Слово очковая змея, притягивает он к себе бедную птичку эмиграции. И как чеховские сестры стонали: «В Москву... в Москву... в Москву...», так теперь и на эскадре, и в рабочих группах один клич: «В Париж... в Париж... в Париж...» [Спасский 2002, 87].

Эмигрантские произведения приобретают форму травелога, своеобразных путевых очерков, где мотив пространственной дислокации и странствия получает дополнительное наполнение мотивом отчуждения в прямом смысле (изгнание) и в метафорическом (отстранение, выход за пределы пространственного и временного восприятия) [Бугаева 2010, 188]. Воспоминания эмигрантов запечатлели не только переход из Константинополя к африканским берегам, наброски африканской и восточной действительности и экзотического пейзажа, описание русского эмигрантского быта, но и размышления о России и себе в пространственной и временной оппозиции (*здесь / там, прошлое / настоящее / будущее*). Г.-Б. Колер, соотнося эмигрантское восприятие и жанр травелога, отмечает:

травелог как виртуальное путешествие вглубь, как вездесущий выход из времени и пространства, позволяет избежать эмигрантского существования, попавшего в редкую амбивалентность беглости и неподвижности. Вечно проклипаемое «прощание навсегда» таким образом преодолевается [Колер 2010, 270].

Ярким примером эмигрантского путевого восприятия Туниса является произведение Р.Б. Гуля (1896, Пенза – 1986, Нью-Йорк) *Белые по Черному. Очерки Гражданской войны*, написанное во второй половине 1920-х гг. в Берлине. Роман был создан по рассказам эмигранта, уехавшего из Туниса в Европу, и основан на реальных событиях. Примечательно, что книга была издана в советской России в Госиздате, так как в 1927–1928 гг. Р. Гуль был корреспондентом ленинградских газет. Очерк построен по законам литера-

туры путешествий, но отбор материала и авторская позиция обусловлены ситуацией эмиграции, «люди отправляются в дорогу, но не для того, чтобы увидеть что-то новое; уезжают, однако обратно не возвращаются» [Колер 2010, 248].

Сюжет африканской части произведения развивается в двух взаимосвязанных направлениях: передвижение по стране и описание эмигрантского быта. В само заглавие произведения *Белые по Черному* выведен цветовой контраст, характеризующий весь трагизм Гражданской войны. В первой части произведения по Черному морю уходят «белые» в эмигрантскую неизвестность, уже в самой Африке (Тунисе) белые пытаются вжиться в чужой для них в культурно-национальном отношении мир. Герой романа – бывший студент медицинского факультета, матрос миноносца «Беспокойный», эвакуировавшийся в составе севастопольского Морского корпуса, пытается найти себя в Африке. Эмигрантское странствие описано кинематографическим приемом раскадровки, когда каждый сюжет текста выделен и снабжен заголовками. Так, в тунисской части заголовки отражают географию странствия героя по стране, интересные встречи и знакомства: *Утро в Африке*, *17 чашек кофе в Загуане*, *Как устраиваются люди в Тунисе*, *Джебель Джелюд* и др. Здесь присутствуют и маркированные сцены: как офицеры становятся штатскими, беженская жизнь в лагере, попытка снять жилье и т.д. Эти небольшие очерки содержат меткие наблюдения героя, как эмигранты пытаются приспособиться к новым для них бытовым реалиям. Повествователь проявляет неподдельный интерес к эмпирической реальности. Тунис представлен через визуальные образы, разнообразные картины местной жизни. Произведение густо населено: это и сослуживцы, соседи, колониальные хозяева, тунисские знакомые и т.д. Среди «маленьких» героев романа особо интересны реальные персонажи, сыгравшие важную роль в жизни русских беженцев Туниса. Так, в очерке *Экс-министр юстиции* [Гуль 1928, 232–234] представлен образ адвоката, государственного общественного деятеля, министра юстиции Временного правительства, представителя тунисского отделения Российского земско-городского комитета *Павла Николаевича Переверзева* (1871–1944, Париж). В очерке *На мертвых якорях* нарисован портрет командующего Русской эскадрой *Михаила Андреевича Беренса* (1897, Тифлис – 1943, Тунис):

Адмирал Беренс – командующий эскадрой. Беренс высоко роста – с немецким лицом. У адмирала крупный нос, оплывшие глаза, лысая голова и крепкая лошадиная челюсть. Адмирал пишет, отдает приказы, смещает, благодарит. Адмирал – выходит к подъему флага [Гуль 1928, 251–252].

Местные колорит и экзотика воссоздают не только конкретные описания местности и красочные пейзажные зарисовки, но и фиксируемые в мемуарах многочисленные восточные обычаи и традиции: арабский город с его шумным базаром, кофейную церемонию, свадьбу. В создании национальных образов, регионального колорита активно используются вставки тунисских слов и фраз в русском написании: «Млиах, млиах ессер!» (Хорошо! Очень хорошо!), «Айя фиса!» (Быстрее!), «О, робби, уалешь! (О, за что, господи!)». Герой испытывает неподдельную симпатию по отношению к открываемому им культурному миру, а также к местным жителям. Так, отправившись в Загуан выкорчевывать оливки, герой наблюдает за стариком арабом в кофейне. «Помолившись, старик варит кофе. В маленьком жестяном ковшике с длинной ручкой. Он держит его на углях. И чуть только кофе закипел – вылили густой и черный – в фарфоровую чашечку. Старик медленно пьет – с неподвижным спокойным лицом. Глядит он куда-то – сквозь стены» [Там же, 166].

Африканская действительность не отвергается повествователем как нечто чуждое, но, напротив, становится толчком для размышлений о себе и эмигрантской жизни, о прошлом и будущем. Зачастую эти два мира сталкиваются: восточный мир, гармонирующий с многовековой историей и самой природой, и мир эмигрантов, живущих в «ином зрении». Так, бытовая зарисовка в восточной «несколькосотлетней» лавке, беседа с хозяином стариком-купцом Ахмедом бен Азара о многовековой истории страны, о захвативших Тунис «руми» (французах, в более широком значении иностранцах)⁵, заканчивается сценой из эмигрантской жизни: в старой крепости Касбе в руинах старого дома русские студенты проводят собрание, где звучат эмигрантские лозунги «организованность – сплоченность – касса взаимопомощи – подкомиссия – пленум...». Это столкновение двух культур приводят к размышлениям героя-повествователя о мимолетности и суетности жизни. «Ль фет – ль мет» (Что прошло – то мертво) – по-арабски заключает русский эмигрант [Там же, 216].

Погружаясь в тунисский быт и тяжелый труд эмигрантов, герой романа приходит к осознанию неестественности пребывания здесь русских, их чуждости африканской природе, ландшафту, арабской архитектуре. Эмигрантское желание жить правилами прошлой жизни и воспоминаниями контрастирует с тунисским бытом и реалиями эмигрантской жизни.

---

⁵ В апреле 1881 г. французские войска с территории Алжира перешли границу Туниса. В мае тунисский бей Мухаммад Ас-Садик подписал продиктованное ему соглашение, установившее протекторат Франции над страной. Независимость Тунис получил в 1956 г.

Сама природа Африки, ее «сияющие звезды» равнодушны беженским чаяниям. Такое же отчуждение по отношению к Африке испытывают и персонажи очерка. Так, студент-зоолог, чей небольшой дневник включен в канву повествования, пишет: «Молодость говорят лучшая пора жизни и недаром по-арабски она синоним красивого. То, что молодо – красиво. Но моя молодость... Как жутко целыми днями говорить только по-французски и по-арабски, носить колониальную каску и все время видеть исторический Карфаген» [Там же, 237]. Потеря родины и своего пространства, осознание себя «лишним» становятся тяжелым испытанием для молодых эмигрантов и приводят к потере смысла жизни и желанию жить. Этот мотив отчуждения имеет не только метафорический смысл. Студент-зоолог заканчивает жизнь самоубийством. Подобный мотив присутствует и на страницах дневника юной И. Кнорринг, которая не раз задается вопросом: «Стоит ли жить? (...) Стоит ли жить, чувствуя себя лишним, которого заткнули куда-то в Африку и позабыли о нем» [Кнорринг 2009, 236]

Главный герой очерков, меняя географию своего пребывания в стране, выкорчевку оливок в Загуане на «арабскую каторгу» на соляных озерах, приходит к глубоким размышлениям о свободе: «Не все ли равно где человеку жить? И почему мне не жить в Африке? Ведь живут же здесь люди. Но мне скучно (...) Гири нужны человеку. Иль – кандалы. Когда человек свободен от всего, то скука гонит его по свету» [Гуль 1928, 247]. Чувство утраты своего места, чувство непринадлежности месту временного нахождения приводят его к метафорическому отстранению. Роман заканчивается тем, что герой в 1922 г. покидает Тунис, но его эмигрантские странствия продолжаются, он же свободен: «я хуже птицы. Я человек без кандалов» [Там же, 248].

Итак, в первой половине XX в. Северная Африка как новый топос и географический локус становится неотъемлемой частью автодокументальной и художественной литературы русской эмиграции «первой волны». Русские эмигранты пытались запечатлеть свое пребывание, в том числе недолгое, в новом для них геокультурном пространстве. Продолжая разработку африканского текста рубежа веков, эмигранты вносили в него ряд важных художественных мотивов, продиктованных ситуацией изгнания. Рассмотренные автодокументальные и художественные произведения разнятся по стилистике, по авторско-философскому осмыслению и художественному изображению своего пребывания в Тунисе. Несомненно, на этом сказались возрастные различия и условия пребывания в стране: служба в Морском корпусе, где «русский дух», или кочевая беженская жизнь в поисках работы. Дневник И. Кнорринг и рассказы-очерки Р. Гуля *Белые по Черному* по-юношески

эмоциональны, наполнены описанием своих переживаний, где Тунис, с одной стороны, выступает сковывающим местом, «каторгой», местом отчуждения и приводит к потере смысла жизни, а с другой – рождает ветхозаветные аллюзии и дает новые смыслы. А мемуарные произведения В. Берга и Н. Кнорринга изображают налаженный быт бизертинского Морского корпуса как «потерянный рай» и грёзой их служения во благо будущей России. Для них Африка стала и «русским уголком», и местом осознания потери Родины. В рассмотренных произведениях изображение Туниса (зарисовки бытового интерьера, картин природы, портреты отдельных героев) пропускается через эмигрантское восприятие, актуализируя библейские аллюзии и тему России как утраченного дома.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берг Владимир. 1931. *Последние гардемарины. (Морской Корпус). Трилогия.* Париж: Издание Военно-Морского Союза.
- Библейская энциклопедия архимандрита Никифора.* (online) <https://ru.wikisource.org/wiki/BA/3> (доступ 03.01.2021).
- Бугаева Людмила. 2010. *Литература и rite de passage.* Санкт-Петербург: Петрополис.
- Горячкин Геннадий, Гриценко Т., Фомин Олег. 2000. *Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–39 гг.).* Москва: Институт стран Азии и Африки, Общество друзей Египта в Российской Федерации.
- Гуль Роман. 1928. *Белые по Черному. Очерки Гражданской войны.* Москва–Ленинград: Государственное издательство.
- Замятин Дмитрий. 2003. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов.* Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кнорринг Ирина. 2009. *Повесть из собственной жизни. Дневник.* Москва: АГРАФ.
- Кнорринг Ирина. 2014. *Золотые миры. Избранное.* Ред. Чернова Н.М. Алматы.
- Кнорринг Николай. 1931. *Сфаят. Очерки из жизни Морского Корпуса в Африке.* Париж: Библиотека «Иллюстрированной России».
- Колер Г.-Б. 2010. *Вездесущность и глубина: «Путешествие в неизвестный край» Юрия Терапиано в контексте травелогов русской эмиграции.* В: *Белые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей.* Сост. Тиме Г.А., Киссель А.С. Перевод с немецкого Тиме Г.А. Москва: Новое литературное обозрение: 247-270.
- Колупаев Владимир. 2009. *Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке.* Москва: Пашков дом.
- Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы.* 2001. Сборник статей. Москва: Восточная литература РАН.
- Русская колония в Тунисе. 1920–2000.* 2008. Сборник. Сост. Махров К.В. Москва: Русский путь.
- Спасский Георгий. 2002. *Письма о. Георгия из Африки.* В: *Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века.* Сост. Летнев А.Б., Хохлова В.П. Москва: Восточная литература РАН: 82–89.
- Сухов Николай. 2019. *История русской эмиграции в Марокко в XX в.* Москва: Институт востоковедения РАН.
- Ширинская Анастасия. 2003. *Бизерта. Последняя стоянка.* Санкт-Петербург: Издательство Фонд содействия флоту «Отечество».

REFERENCES

- Berg Vladimir. 1931. *Poslednie gardemarinny. (Morskoy Korpus). Trilogiâ* [Last naval cadets. (Sea Case). Trilogy]. Paris, Izdanie Voenno-Morskogo Soûza. (In Russian)
- Biblejskaâ ènciklopediâ arhimandrita Nikifora* [Bible encyclopedia by the archimandrite Nikifor]. Available at: <https://ru.wikisource.org/wiki/BA/3> (Accessed 03 January 2021). (In Russian)
- Bugaeva Lûdmila. 2010. *Literatura i rite de passage* [Literature and rite de passage]. St. Petersburg, Petropolis. (In Russian)
- Gorâčkin Gennadij, Grišenko T., Fomin Oleg. 2000. *Ruskaâ èmigraciâ v Egipte i Tunise (1920–39 gg.)* [Russian emigration in Egypt and Tunisia (1920–39)]. Moscow, Institut stran Azii i Afriki, Obšestvo družej Egipta v Rossijskoj Federacii. (In Russian)
- Gul' Roman. 1928. *Belye po černomu. Očerki Graždanskoj vojny* [White on Black. Sketches of Civil war]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Knorring Irina. 2009. *Povest' iz sobstvennoj žizni. Dnevnik* [The story from own life. Diary]. Moscow, AGRAF. (In Russian)
- Knorring Irina. 2014. *Zoloty miry. Izbrannoe* [Gold worlds. Favourites]. Ed. Černova N.M. Almata. (In Russian)
- Knorring Nikolaj. 1931. *Sfaît. Očerki iz žizni Morskogo Korpusa v Afrike* [Sfait. Sketches from life of the Sea Case in Africa]. Paris, Biblioteka Illûstrirovannoj Rossii. (In Russian)
- Koler G.-B. 2010. *Veždesušnost'i glubina: "Putešestvie v neizvestnyj kraj" Ūriâ Terapiano v kontekste travelogov ruskoj èmigracii* [Omnipresence and depth: "A travel to the unknown region" of Yury Terapiano in the context of travelogues of the Russian emigration]. In: *Beglye vzglâdy: Novoe pročtenie russkih travelogov pervoj treti XX veka: Sbornik statej* [Glances: New reading of the Russian travelogues of the first third of the 20th century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 247–270. (In Russian)
- Kolupaev Vladimir. 2009. *Russkie v Magribe. Istoriâ russkih obšin v Afrike v XX veke* [Russians in the Maghreb. The history of Russian communities in Africa in the XX century]. Moscow, Paškov dom. (In Russian)
- Rossijskaâ diaspora v Afrike. 20–50-e gody* [Russian diaspora in Africa. 20–50 s.]. 2001. Sbornik statej. Moscow, Vostočnaâ literature RAN. (In Russian)
- Ruskaâ koloniâ v Tunise. 1920–2000* [Russian colony in Tunisia. 1920–2000]. 2008. Sbornik. Ed. Mahrov K.V. Moscow, Russkij put'. (In Russian)
- Širinskaâ Anastasiâ. 2003. *Bizerta. Poslednââ stoânka* [Bizerta. Last parking lot]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Fond sodejstviâ flotu "Otečestvo". (In Russian)
- Spasskij Georgij. 2002. *Pis'ma o. Georgiâ iz Afriki* [Letters of the father Georgi from Africa]. In: *Afrika glazami èmigrantov. Rossiâne na kontinente v pervoj polovine XX veka* [Africa eyes of emigrants. Russians on the continent in the first half of the XX century]. Eds Letnev A.B., Hohlova V.P. Moscow, Vostočnaâ literatura RAN, pp. 82–89. (In Russian)
- Suhov Nikolaj. 2019. *Istoriâ ruskoj èmigracii v Marokko v XX v.* [The history of Russian emigration to Morocco in the twentieth century]. Moscow, Institut vostokovedeniâ RAN. (In Russian)
- Zamâtin Dmitrij. 2003. *Gumanitarnaâ geografîâ: prostranstvo i âzyk geografičeskih obrazov* [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. St. Petersburg, Aletejâ. (In Russian)

